

ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЕЙ САРАТОВА XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКА

22 марта 2011 года Священный Синод Русской Православной Церкви принял Постановление о возобновлении в городе Саратове мужского Спасо-Преображенского монастыря. Таким образом была восстановлена более чем трехсотлетняя традиция саратовского монашества. Историки и краеведы считают, что этот монастырь был основан в 90-х годах XVII века. Хотя эта датировка и правильна с, так сказать, формально-исторической точки зрения, все же можно полагать, что наш монастырь возник по меньшей мере 70 годами ранее, в самом начале XVII века. В этой статье мы попытаемся показать преемственную связь между первым, Саратовским Богородицким монастырем и нынешним Спасо-Преображенским.

Среди местных дореволюционных историков и краеведов мнения о местонахождении и дате основания саратовских монастырей разделились. Это связано с отрывочностью и недостаточностью имевшихся тогда документальных сведений по данному вопросу. Для наглядности приведем несколько точек зрения краеведов того времени на историю наших монастырей.

В середине XIX века А.Ф. Леопольдов предполагает, что первоначально Спасо-Преображенский монастырь находился при Казанской церкви в Саратове, затем был переведен на Увек, а после был снова перемещен в город и устроен «на горах». Здесь он три раза «обгорал» и после пожара 1811 года был перенесен под Лысую гору на нынешнее место¹.

¹ См.: Журнал Министерства внутренних дел. 1841. Кн. VI. С. 73–74.

Другой автор, Ф.Ф. Чекалин, в своем сочинении, изданном в 1892 году, пишет: «В 1691 или в 1692 году (при воеводе Никите Нестерове) по указу царей Ивана и Петра Алексеевичей была отведена земля в Горной слободе под Четверосвятский мужской монастырь, за упразднением в городе Богородицкого монастыря, вероятно, вследствие тесноты»². В «Саратовском листке» за 1892 год, № 103, Чекалин утверждает, что «Богородицкий монастырь существовал уже в 1657 году. Находился сначала в городе при церкви Казанской Божией Матери: затем монастырь в 1691 или 1692 году был перенесен с переменной имени в Горную слободу».

В.П. Соколов в своей работе «Саратовский Троицкий (старый) собор», основываясь на трудах Ф.Ф. Чекалина и А.И. Шахматова, пишет, что в 1695 году «в Саратове был один мужской монастырь на горах с церковью во имя Тихвинской иконы Божией Матери, неизвестно когда основанный и принадлежавший Московскому Новоспасскому монастырю. Этот монастырь назывался Богородицким. Он сгорел в 1695 году, когда выгорел весь Саратов. Другой монастырь (собственно обитель во имя Московских митрополитов Петра, Алексия, Ионы и Филиппа) находился вне Саратова на Увеке и назывался Четырехсвятским. Он сгорел в том же году, после чего был возобновлен, но не на Увеке, а на месте сгоревшего Богородицкого монастыря. Строителем его был старец Паисий, по фамилии Дубенский, отсюда и возобновленный им, Паисием, монастырь Четырехсвятский назывался иногда Дубенским... Богородицкий монастырь первоначально находился в городе при церкви Казанской Божией Матери, почему некоторое время назывался (1681–1682) Казанским. Отсюда он был перенесен на горы в 1693 году, после сильного пожара, уничтожившего его, монастырь, до основания. На горах же, до перенесения туда монастыря, находился монастырский “рыбный двор”, или монастырское

² Цит. по: *Валеев В.* Из истории саратовских церквей. Саратов, 1990. С. 112.

подворье. По исконному русскому обычаю в таких подворьях строили маленькие деревянные церкви для рыболовов и других пришельцев из внутренних областей России. Конечно, была такая же церковь и в сказанном монастырском подворье, и, вероятно, во имя Нерукотворного Спаса, так как это подворье принадлежало Московскому Новоспасскому монастырю... Со временем, с перенесением Богородицкого монастыря от Казанской церкви на горы и с переименованием его в Спасо-Преображенский, и церковь Спасская переименована в Спасо-Преображенскую, как и ныне именуется»³.

Вот мнение А. Правдина, редактора «Саратовских епархиальных ведомостей»: «Спасо-Преображенский монастырь с самого начала находился по левую сторону Глебова оврага при подошве Соколовой горы и именовался Четверосвятским, затем Спасским и уже потом Спасо-Преображенским»⁴.

К сожалению, эти разнообразные и нередко противоречащие друг другу мнения и до настоящего времени используются в различных публикациях, касающихся истории саратовской церковной жизни. Не избежал этого и сайт Саратовской епархии, где по данному вопросу приводится труд епископа Дамиана (Говорова) «История Спасо-Преображенского мужского монастыря в городе Саратове» (изд. 1918 г.), в котором, в сущности, повторяется мнение Соколова о том, что наш монастырь был устроен первоначально «не на том месте, где ныне, а на Увеке и при двух церквях города Саратова»⁵.

Наиболее ясно, аргументированно и убедительно о возникновении и развитии саратовских монастырей пишет известный историк и краевед А.А. Гераклитов в своей работе «История Саратовского края в XVI–XVIII вв.» и некоторых других пуб-

³ Соколов В.П. Саратовский Троицкий (старый) собор. Саратов, 1904. С. 3, 15.

⁴ Цит. по: Валеев В. Указ. соч. С. 112.

⁵ Спасо-Преображенский мужской монастырь // http://www.eparhia-saratov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2587&Itemid=157

ликациях. В данной статье будут использоваться документальные сведения, приводимые Гераклитовым в этих трудах.

Саратов был основан в июле 1590 года по указу царя Федора Иоанновича, чуть позже Самары (1586) и Царицына (1589). Эти три города были построены в русле осуществления колониационной политики Московского государства, стремившегося после покорения Казанского ханства в 1552 году и Астраханского ханства в 1556 году закрепить за собой «волжское понизовье» и обезопасить Волжский торговый путь от нападений кочевников и воровских казаков. Учреждение монастырей являлось важнейшим элементом государственной политики. После завоевания Казани основание монастырей шло рука об руку с основанием новых городов и было одновременно государственным и миссионерским делом. Христианизацию новоприобретенных областей царь и церковная власть почитали своим долгом. В большинстве случаев монастыри в нашем регионе возводились не по свободному почину отдельных подвижников, а по указу государственной и церковной власти, и, как правило, располагались эти новые обитатели не в «пустынных», отдаленных от населенных пунктов местах, а в городах или в непосредственной близости от них, под защитой крепостных укреплений.

Известно, например, что сразу по основании Свияжска (1551) царь Иван Грозный велит поставить в новом городе Троицкий и Успенский монастыри. После завоевания Казани в городе до конца XVI века устраиваются по меньшей мере пять монастырей, после покорения Астрахани воевода просит царя «прислать человека, святого монаха, чтобы учил добру и в крещенную веру загонял, как разум достанет»⁶. И царь прислал в Астрахань игумена Кирилла, где последний построил мужской монастырь, а к началу XVII века в Астрахани было уже несколько монастырей.

⁶ Ключаревская летопись: История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, 1887. С. 7.

«Первый» Саратов, как ныне полагает большинство местных историков, был поставлен несколько ниже нынешнего села Пристанного, на мысе при впадении речки Гуселки в волжскую протоку. Он представлял собой небольшую деревянную крепость с гарнизоном, состоящим из конных и пеших стрельцов в количестве не более 300 человек под началом воеводы и стрелецкого головы.

В первые десятилетия существования города, конечно же, не могло быть и речи об учреждении монашеской жизни в этой крепости, так как прежде всего нужно было обустроить крепость и городок, налаживать довольно сложную, опасную и тяжелую службу и вообще обживаться в этой пустынной и враждебной местности, на сотни верст отделенной от ближайших русских городов. Когда же город немного «пообустроился», когда в нем появилось небольшое посадское, неслужилое население — стрелецкие семьи, торговцы, рыболовы и т.д., наступило Смутное время, которое отнюдь не способствовало основанию и развитию в Саратове монашеской общины. Достаточно сказать, что саратовцы в 1608 году отразили штурм крепости, предпринятый довольно значительным отрядом воровских казаков под предводительством самозванца Ивашки-Августа, а несколько позже вообще «отложились» от царя Василия Шуйского.

Этот сложный в истории города период закончился тем, что зимой 1613–1614 годов Саратов сгорел дотла и саратовские стрельцы в количестве 205 человек, с семьями и другими жителями, лишившись коней и всего имущества, приняли голодный и холодный пеший переход за 350 верст в Самару, куда и пришли «конные-пеши, душою да телом... бедны и наги, разорены» (здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографии)⁷. Тогда же сгорел и Царицын. Время было сложное, в Астрахани засел известный деятель

⁷ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. С. 220, 229.

Смуты — казачий атаман Иван Заруцкий, который, не признав избранного в 1613 году нового царя Михаила Романова, прихватил с собой вдову двух самозванцев Марину Мнишек и объявил ее малолетнего сына законным наследником престола. Из Астрахани он планировал новый поход на Казань и Москву, да и степняки ногайцы, воспользовавшись безвременьем и «безнарядьем» и заключив союз с Заруцким, начали «приходить под верховные государевы города». Так, в Алатыре весной 1614 года стало известно, что «послал вор Ивашка Заруцкой да ногайский Иштерек князь, из Астрахани, ногайских татар на Русь войною, тысяч с двадцать». В таких условиях правительство сразу же приняло решение о немедленном восстановлении Царицына и Саратова, что и было осуществлено в 1615–1616 годах, тотчас после подавления бунта Заруцкого.

«Второй» Саратов был образован уже на новом месте — на «луговом», левом берегу Волги, выше нынешнего города Энгельса, при впадении в волжскую протоку речки Саратовки. После «замирения» страны город стал расти и развиваться. В 30-х годах XVII века он был расширен, обнесен новыми укреплениями, и в 1634 году гарнизон его составлял 400 человек стрельцов, а посадского населения считалось 83 человека, «кроме жен и детей». Известно, что в 1621 году в городе было два храма — Троицкий собор и Никольская церковь.

Итак, Смутное время прервало монастырскую колонизацию, но после Смуты она возобновилась с удвоенной силой. Связано это возобновление с деятельностью патриарха Филарета — отца царя Михаила Романова. Патриарх Филарет в 1619 году вернулся в Россию из польского плена и, помогая своему молодому сыну — царю Михаилу, очень энергично взялся за наведение порядка в расстроенных Смутой государственных и церковных делах.

Значительная часть монастырей в понизовье, в том числе и саратовские монастыри, основываются именно

в патриаршество Филарета (Романова). На этот процесс повлияло и Смутное время, пробудившее в обществе аскетические настроения. Да и вообще русские люди тогда очень уважительно относились к монашеству как воплощенному идеалу христианской жизни. Достаточно вспомнить очень широко распространенный обычай принимать пострижение «по обету» или же перед смертью. «А до московских городов далеко... и монастыря в здешней земле нет... престарелым и увечным людям постричься негде, а иные при смерти постричься желают...» Помимо всего прочего и хозяйственная деятельность монастырей способствовала экономическому развитию осваиваемых земель.

Самые ранние документальные известия о первом саратовском монастыре, датированные 1623 годом, встречаются в столовой книге патриарха Филарета, где регистрировались лица, приглашенные к патриаршему столу: «В субботу Лазареву, марта в 20-й день... в другом столе был строитель с Саратова Новоявленные Пречистые Богородицы старец Петр». В другом документе — книге Печатного приказа за 1626 год — видим полное официальное название монастыря: «Апреля 16 день. На Саратов к воеводе к Федору Чемоданову по челобитию Саратова города Пресвятые Богородицы Казанские и Соловецких чудотворцев строителя Петра с братией велено дати в руги место рыбные ловли в саратовских водах от Бородина песку да на низ по Санбуловку... Принес грамоту Дружина Коптев, а сказал: приказ государыни великия старицы иноки Марфы Ивановны, чтоб тое грамоту велели запечатать без пошлин»⁸.

Из приведенных документов видно, что Саратовский Богородицкий монастырь возник в самые первые годы существования «второго», левобережного Саратова. Сначала он содержался за счет руги — денежного и хлебного государева жалованья, вместо которого в 1626 году монастырь получил рыбные

⁸ *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 235, 237.

ловли, расположенные по реке Волге ниже Увека, и стал существовать за счет доходов с этих ловель. По-видимому, настоятель монастыря монах Петр имел какие-то связи, как тогда говорили, «на верху» — у государя (мать царя распоряжается настоятелю «польготить» — не брать с него пошлину за полученную грамоту) и у патриарха (он приглашает монаха Петра к своему столу).

В «Саратовской летописи» Ф.В. Духовникова и Н.Ф. Хованского приводятся сведения о том, что в 1658 году саратовскому воеводе Головину дана грамота, по которой велено Ахматскими, Бородинскими и Богаевскими рыбными ловлями владеть Богородицкого монастыря игумену Филарету с братиею по-прежнему, как те рыбные ловли даны на «свечи и ладан». Эта грамота была подтверждена в 1665 году. В 1662 году игумен Филарет получил разрешение «приискать пустых земель». В 1665 году по челобитию Богородицкого монастыря игумена Филарета воеводе князю Путятину велено было досмотреть баню: «буде поставлена близко от монастыря, отнести на иное место»⁹.

Также известно, что в 1666 году Макарьевский Желтоводский монастырь, имевший в Саратове двор и амбары, судился перед саратовским воеводой Барятинским с Саратовским Богородицким монастырем по делу «в соляной поклаже в 550 рублей»¹⁰.

Из этих данных можно сделать вывод о том, что наш Богородицкий монастырь в середине XVII века рос, развивался, вел интенсивную хозяйственно-экономическую деятельность и возглавлялся энергичным и рачительным игуменом, который отстаивал и закреплял за монастырем права на владение рыбными ловлями, подыскивал для него земельные участки (очевидно, для хозяйственных построек), заботился о безопасности монастыря от пожара, добившись переноса бани, слишком

⁹ Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 27, 28.

¹⁰ *Гераклитов А.А.* Указ. соч. С. 237.

близко к монастырю расположенной. Кстати, из эпизода с баней можно заключить, что обитель находилась где-то на самом берегу Волги (а может быть, Саратовки), так как бани в те времена обычно строили вблизи от источника воды. Кроме того, видим, что монастырь имел какие-то совместные торговые операции с Макарьевским монастырем. Все это, а также тот факт, что в середине XVII века он возглавляется уже не строителем, а игуменом, свидетельствует о повышении значения, благосостояния и официального статуса нашего монастыря.

К середине XVII века относятся и первые упоминания о Саратовском женском монастыре. В книгах Печатного приказа говорится, что 22 июня 1646 года «по челобитию с Саратова Воздвиженского девичья монастыря старицы Соломниды с сестрами велено попу Воздвиженского монастыря государева жалования денежную и хлебную ругу давать»¹¹. К сожалению, из этого документа невозможно установить точную дату учреждения женского монастыря в левобережном Саратове. Во всяком случае, в 40-х годах XVII века он уже существовал и возглавлялся монахиней — старшей сестрой, или, как тогда говорили, строительницей. В нем было несколько сестер, имелся и Воздвиженский монастырский храм со священником.

О том, где располагался женский монастырь, можно заключить из упоминания в «Саратовской летописи» Духовникова и Хованского о разрешении в 1651 году в Саратове в подгородной Воздвиженской слободе откупщику Гришке Михайлову «поставить избы да ледник для продажи кабацкого питья». Причем из документа видно, что эта слобода находилась под городом «за кабацкими вороты», где раньше был «кабацких винных запасов выход», а во время дачи грамоты стояла «богаделанная изба», которую велено было отдать откупщику Михайлову «под выход»¹². Поскольку эта слобода могла

¹¹ *Герасимов А.А.* Указ. соч. С. 235.

¹² См.: Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. С. 26.

получить свое название только от Воздвиженского монастыря и располагалась в непосредственной близости от городских стен — «за кабацкими вороты», то отсюда можно заключить, что и монастырь находился также за городом, в непосредственной близости от него.

Кстати сказать, и Богородицкий монастырь, скорее всего, изначально располагался также вне города, за стенами и лишь в 20-х годах XVII века, после сооружения нового острога, вошел в черту города. Видно, что монастырь находился в это время в тесном соседстве с городскими строениями и ему для хозяйственных помещений не хватало земли в городе.

Выше уже говорилось о том, что, как правило, в пониженных городах монастыри основывались либо в самом городе, либо «под городом», в пригородных слободах. Такое положение являлось вполне естественным для нашего региона ввиду постоянной опасности нападения со стороны «неприятельских воинских людей», прежде всего разноплеменных кочевников — ногайских, кубанских, азовских татар, а в XVII веке еще и калмыков. Поэтому любое поселение, не имевшее крепостных укреплений и вооруженной защиты, было бы неминуемо разграблено, истреблено и уничтожено.

В 1661 году царь Алексей Михайлович определяет Саратовскому женскому монастырю свое государево жалованье: «Пожаловали Мы, Великий государь, Саратовского Воздвиженского девича монастыря старице Дорофеи с сестрами, велели им нашего государского жалования, годовые денежные и хлебные руги учинить против Свяжского Ивановского девича монастыря игуменье, которую того монастыря все сестры впредь выберут и Астраханский и Терский Архиепискуп благословит, денег 2 рубли, да хлеба по чети ржи, да двежь чети овса, да редовым 29 старицам денег по полтора рубли да хлеба по полторы чети ржи, да по полторыж чети овса старице на год, и то наше, Великого государя, жалованье денежную и хлебную ругу игуменье и 29 редовым старицам указали Мы, Великий

государь, давать ежегодно беспереводно из наших из саратовских денежных доходов, а которые в том монастыре учнут вновь старица и тем старицам ждать всебылых мест, а о нашем, Великого государя, хлебном жалованье им игуменье и старицам велено послать наша, Великого государя, грамота»¹³.

Из этого документа видно, что до 1661 года Воздвиженский монастырь не получал руги, и, скорее всего, монахини жили до этого времени на «доброхотные даяния благочестивых дателей», а также «от своих трудов и рукоделия». Кроме того, увеличение числа насельниц привело к повышению официального статуса монастыря, так как теперь он должен был управляться уже не «старшей сестрой», а игуменьей, которую сестры должны были избрать из своей среды и которую должен был возвести в игуменскую степень Астраханский митрополит.

О том, как выглядели наши монастыри, какими были их храмы и другие помещения, нет никаких сведений. Но вряд ли они чем-то отличались по своему устройству от массы небольших монастырей того времени, описания которых имеются в различных источниках. Как правило, в таком монастыре был один (редко — два) небольшой храм, носивший то же наименование, что и монастырь. Иногда монастырский храм имел один или два придела. Так, из того факта, что Саратовский мужской монастырь назывался «Казанским и Соловецких чудотворцев», можно предположить, что был второй храм (или придел) в честь святых Зосимы и Савватия Соловецких. На территории располагались келлия игумена (обычно отдельный дом), один или несколько келейных корпусов, трапезная, поварня, конюшня, амбары и другие хозяйственные службы. Все строения были, как правило, деревянные и обязательно обносились деревянной стеной или забором с двумя воротами — святыми (парадными) и въездными. Часто монастырь имел в городе «на торгу», или на пристани, или на въездах в город одну или несколь-

¹³ Труды Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). Т. III. Вып. 1. Саратов, 1889. С. 243–244.

ко небольших деревянных часовен с иконами или поклонными крестами, где осуществлялась продажа свечей, заказывались молебны и другие «потребы» и собирались пожертвования от «доброхотных дателей» на монастырские нужды.

В 1670 году в нашем регионе вспыхнул разинский бунт. В связи с этим правительство попыталось укрепить гарнизон Саратова, прислав 500 стрельцов из Казани и Самары, но при подходе к городу семитысячного разинского войска они вышли из повиновения и оставили город. Стрелецкие начальники тоже разбежались. Вот как описывает один документ события, связанные с захватом Разиным Саратова в августе 1670 года: «Августа в 22 день, в четвертом часу дни прибежал в Симбирск с Саратова казанских стрельцов голова Тимофей Давыдов а в расспросе сказал: На Успеньев де день Пречистыя Богородицы поутру рано вор и изменник Стенька Разин с казаками пришел на Саратов, и город де Саратов саратовские жители сдали и его де вора Богородицкого монастыря игумен и саратовские все жители встречали с хлебом... А на Саратове саратовские жители к воеводе приставили караул 20 человек накануне его воровского прихода, чтоб он не ушел... А как де он вор Стенька к Саратову идет за 7 верст и саратовцы де, пришед к воеводе, говорили, что де мы тебя у Стеньки отпечалуем»¹⁴.

Разин вошел в город без боя и разорения. Воевода Кузьма Лутохин и дети боярские были перебиты, а их имущество и государева казна разграблены и «раздуванены». С этого времени Саратов стал одним из центров восстания. Саратовцы участвовали в походе Разина под Симбирск, довольно значительный отряд, состоявший из саратовских «жилецких людей» и донских казаков, взял Пензу, Верхний и Нижний Ломов и сражался до декабря 1670 года, пока не был разбит. Саратовцы бунтовали в составе разных шаяк до лета 1671 года, когда в город снова вошли царские войска и восстановили порядок.

¹⁴ *Герасимов А.А.* Указ. соч. С. 261, 262.

Из вышеприведенного документа видно, что игумену нашего монастыря выпала сомнительная честь встречать Разина с хлебом и солью. Неизвестно, что побудило его к этому неблагоприятному поступку. Может быть, он был принужден к этому силой или угрозами, а может быть, участвовал в этом добровольно. К сожалению, описано довольно много случаев активного участия в мятежах и бунтах духовных лиц.

Хорошо известно, что сам Стенька не жаловал духовных. Так, укрепившись на Дону после своего персидского похода и готовясь к наступлению на «государевы города», он начал «сбивать с Дона священников», этих подозрительных для него «царских богомольцев». Единственное, что связывало казаков с государством, — это Церковь, и Разин, замыслив мятеж против государства, сознательно разрывал эту связь. Говорили, что Стенька «венчал» голытьбу, заставляя плясать вокруг дерева. Обычно, если духовные не поднимали свой голос против него, Разин не обращал на них внимания, но если кто из них пытался ему противиться, то расправа атамана была скорой и беспощадной.

Так, когда Разин впервые обозначил свое присутствие на Волге разграблением крупного каравана судов, в составе которого были и государев и патриарший струги, то он самолично кистенем «преломил» руку у патриаршего монаха. При взятии Астрахани, когда казаки и забунтовавшие астраханцы собрались на круг и клялись стоять заодно «за Великого государя, служить войску и Степану Тимофеевичу, выводить изменников», два священника стали обличать Разина как вора и государева изменника. С этими священниками безжалостно расправились: одного утопили, а другому отсекли руку и ногу. Если где-то духовенство встречало мятежников крестами, то это было обычно по принуждению мятежной толпы и под угрозой умерщвления самого священника, а часто и всего его семейства. Так, например, воеводу Долгорукого, шедшего на бунтовавший город Темников, за две версты от города встретили темниковцы, духовенство и всяких чинов люди, уезд-

ных церквей священники и крестьяне с образами и крестами, били челом и говорили с великим плачем, что они у воровских людей были поневоле, так как воры их разоряли.

Впрочем, некоторые священники участвовали в бунте сознательно. Это неудивительно: ведь часто священник и по культурному уровню и образованию, и по образу жизни и материальному достатку мало чем отличался от простого мужика или посадского человека. Священник нередко терпел те же нужды, невзгоды и обиды от начальных людей, что и его прихожане, поэтому вполне объяснимо, что и представители духовенства иногда прельщались обещаниями бунтовщиков и активно участвовали в мятеже.

В том же Темникове были схвачены и приведены к воеводе поп Савва и 18 человек крестьян, которые были вместе с ворами, против государевых людей бились, бунты многие заводили, дома грабили, женскому полу поругания чинили и иных запытали до смерти. Тогда же воеводе сдали и «вора-еретика-старицу», то есть монахиню, которая даже руководила воровским отрядом.

Иногда в бунтах принимали активное участие представители духовенства и более высокого ранга. Так, например, во время астраханского бунта 1705 года, вспыхнувшего из-за недовольства астраханских стрельцов и горожан указами царя Петра I о «брадобритии» и ношении иноземной одежды, одним из «заводчиков» мятежа был настоятель Астраханского Вознесенского монастыря архимандрит Рувим при поддержке всей монастырской братии.

Причиной их активного участия в возмущениях стала передача пожалованных монастырю рыбных угодий в другой монастырь. Архимандрит Рувим, правда, действовал исподтишка, но все-таки, как выяснилось, был в сговоре с мятежниками и оказывал им поддержку продовольствием и деньгами. После подавления восстания он сумел скрыться от розыска, но монастырь был упразднен¹⁵.

¹⁵ См.: Ключаревская летопись. С. 38, 42.

Как говорилось выше, причина, побудившая саратовского игумена Филарета к участию в торжественной встрече Разина саратовцами, остается неизвестной. Возможно, его принудили к этому грубой силой, или же страх за вверенную ему обитель и братию был причиной, а возможно, он соблазнился призывами бунтовщиков и масштабами движения. Да и как было не соблазниться: поднялся Дон, Терек, вся «низовая страна» закипела, тысячами стекался к Разину народ, государевы города сдавались без боя один за другим, к тому же разинцы распространили слух, что с ними идут царевич Алексей (недавно умерший) и изгнанный боярами патриарх Никон. Да и цели свои мятежники объявляли благовидными: идут-де они биться за Великого государя, против бояр и воевод. Было от чего закружиться головам. Но мы не знаем, как повело себя саратовское духовенство. Во всяком случае, оно старалось не вмешиваться активно во все эти события, благо у него была своя сфера деятельности — служба, молебны, крестины, отпевания и т.д.

Разину же на этом этапе восстания, несмотря на всю его нелюбовь к церковникам, невыгодно было преследовать и гнать духовных в государственных областях, как он делал это у себя на Дону, иначе он лишился бы поддержки своих последователей, которые все заявляли себя православными христианами. Поэтому случаи убийства разинцами представителей духовенства довольно редки. Самый значительный — убийство казаками святителя Иосифа, митрополита Астраханского, открыто выступившего против бунтовщиков. Также из документов не выявлено фактов разорения церквей и монастырей.

Так или иначе, 10 июля 1671 года саратовцы официально «добили челом» царю, послав в Москву игумена Богородицкого монастыря Филарета, попа Ф. Трофимова, 20 человек стрельцов и посадских, принеся свои «вины». В августе 1671 года в город вступили царские войска, и началась расправа. Замешанные в бунте были отправлены в Великий Устюг, Холмогоры и другие отдаленные места. О том, понес ли наказание игу-

мен Филарет или же был помилован, к сожалению, нет никаких документальных известий.

После разинского бунта встал вопрос о дальнейшей судьбе левобережного, «второго» Саратова. Дело в том, что город простоял на этом месте уже почти 60 лет, а это большой срок для деревянной крепости. Укрепления сильно обветшали: «Саратов... худ, острог весь развалился...». К тому же обозначились проблемы с пристанью, так как протока, на которой стоял город, постепенно мелела и зарастала, а весенние разливы потихоньку подмывали городской берег. Но главная проблема лежала в хозяйственно-экономической области.

Суть ее в том, что во второй половине XVII века Саратов представлял собой «разделенный» город: на левой стороне Волги в старой, обветшавшей крепости располагался военно-административный центр и гарнизон, а на правой стороне, за семь верст, на месте нынешнего города находился торгово-экономический центр, в виде рыбного городка «государева дворцового промыслу», к которому все более и более тяготело посадское население левобережного Саратова.

Основой хозяйственно-экономической жизни Саратова тогда было рыболовство и рыбная торговля. Рыбные богатства Волги с давних пор привлекали русских. Русские рыболовы промыслили на Волге еще во времена Ивана III. В XVII–XVIII веках Российское государство активно развивает в нашем регионе рыбный промысел, сдавая в аренду Саратовские, Курдюмские, Чардымские, Иргизские и другие рыбные угодья купцам-рыбопромышленникам и получая от этого весьма солидные доходы в казну. С начала XVII века крупные московские монастыри, такие как Чудов, Воскресенский, Новоспасский, получают рыбные ловли от Черного затона (Самарская область) до Саратова, где на льготных условиях добывают рыбу на «свой обиход» и на продажу. В середине XVII века правительство непосредственно берет под свой контроль добычу рыбы и торговлю ею, организовав «дворцовый государев

рыбный промысел» и учредив во многих городах волжского низовья особые предприятия — «дворцовые рыбные городки».

Такой городок был в 50-х годах XVII века учрежден и в Саратове и вскоре занял в Нижневолжском регионе первенствующее (после Астрахани) положение. Однако учрежден был этот городок не в левобережном Саратове, а на противоположном, нагорном берегу Волги, на мысу, образованном волжским берегом и южным склоном Глебучева оврага, в районе современной Музейной площади. Расположение городка не на левом, а на правом берегу вполне естественно и логично, так как доставка рыбы, соли и прочих товаров в Москву и другие города России более удобна с правого берега, чем с левого, поскольку не нужно переправлять эти продукты и товары через Волгу.

Основой этого городка была небольшая деревянная крепость с четырьмя башнями и восемью орудиями, в которой работные люди и другие жители городка могли бы отсидеться в случае нападения крымцев или кубанцев, пока не подоспеет помощь из левобережной крепости. На берегу, под крепостью находилась пристань, где осуществлялась разгрузка судов, переработка и заготовка рыбы и рыбопродуктов — икры, рыбного клея и т.д. Рядом с крепостью располагались рыбные «зимовые» дворы московских монастырей, дворы работного люда — рыбных ловцов, извозчиков, а также купцов, приказчиков, рабочих и пр. В городок для охраны промысла присылалось из Москвы около 40 человек солдат. Население этого городка составляло примерно 200–300 человек обоего пола, что дает возможность предположить наличие в нем приходского храма, так как русские люди того времени не мыслили свою жизнь без храма и богослужения, а ездить по религиозным «потребам» за семь верст через Волгу в храмы левобережного Саратова было крайне затруднительно, особенно в период ледохода и ледостава.

Итак, к 70-м годам XVII века на правом берегу Волги в течение 20–25 лет образовалось довольно крупное поселение, где

все более и более сосредоточивалась хозяйственно-экономическая деятельность Саратова. Поэтому когда в 1674 году встал вопрос о дальнейшей судьбе ветхого левобережного города, то царским правительством было принято вполне естественное решение: «Саратов на горах строить новый». Таким образом, «третий», теперешний Саратов в 1674 году был поставлен на уже обжитом и выгодном с торгово-экономической точки зрения месте. Несомненно, что в этот же год были перенесены в новый город, на новое место из левобережного Саратова и наши монастыри.

Богородицкий монастырь расположился в квартале, ограниченном нынешними улицами Валовой, Лермонтова, Челюскинцев и Набережной космонавтов. Крестовоздвиженский монастырь был перенесен на место, ныне занимаемое гостиницей «Словакия».

Предание, записанное в конце XVIII века со слов саратовских старожилов, говорит о том, что монастырская Казанская церковь была перенесена из левобережного Саратова на новое место «по бревнышку» и в ней первое время было сложено имущество других церквей¹⁶.

Первое же документальное упоминание о Богородицком монастыре в «третьем» Саратове относится к 1678 году — в этом году новый игумен монастыря Гурий дал из монастырской казны некоему крестьянину ссуду в 270 рублей¹⁷. Этот факт говорит о благосостоянии монастыря, поскольку сумма довольно значительная по тем временам. В росписи Астраханского митрополита Никифора за 1681–1682 годы числится в городе Саратове монастырь Казанский, в том же году выгоревший¹⁸. Далее, в челобитной, поданной царю саратовскими жителями в 1683 году, встречаем имя нового настоятеля

¹⁶ См.: Труды СУАК. Т. I. Вып. 5. Саратов, 1888. С. 595.

¹⁷ См.: *Герасимов А.А.* Указ. соч. С. 237.

¹⁸ См.: *Саввинский И., свящ.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования // <http://www.astrakhan-ortodox.astranet.ru/history/letopis01.htm>

монастыря: «7192 ноября в 5 день подал челобитную Саратовского Богородицкого монастыря архимандрит Иосиф с братией, да соборной церкви протопоп Елевферий Иванов с братией, да приходских церквей попы с товарищи, да саратовцы...»¹⁹. Из этого документа видно, что статус монастыря снова был повышен — он возглавляется теперь уже не игуменом, а архимандритом.

Зимой 1687 года в Саратов прибыли, следуя из Астрахани в Москву, два французских иезуита — Филипп Авриль и Боволье. В Москве они намерены были получить дозволение проехать через Россию в Китай, где собирались заниматься миссионерством. Авриль пишет о своем пребывании в Саратове: «Москвитяне благополучно доставили нас в Саратов без всяких потерь на всем пути следования. По письму моего товарища о радушном приеме архимандритом главного монастыря базилианцев этого города и усердию, с которым этот добрый москвитянин собрал и отправил ко мне всякого рода лекарства, я немедленно поехал к нему... Целых восемь дней мы прожили для восстановления наших сил у этого доброго базилианца, который, кроме того что отвел нам самое удобное из бывших в его монастыре помещений, чтобы усладить нас покоем, в котором мы так нуждались, но и доставлял нам все другие удовольствия... Его заботы не ограничивались лишь тем временем, пока он удерживал нас при себе, но простирались и на будущее, чтобы облегчить наш путь до Москвы и найти нам верных и надежных проводников для проезда более 300 лье... Так как он пользовался чрезвычайным уважением во всем городе, то без труда нашел для нас двоих проводников, договорился сам о цене повозок, которыми они нас снабдили, и даже хотел было уплатить им часть установленной цены»²⁰.

В этом описании архимандрит Иосиф характеризуется как действительно по-христиански страннолюбивый и радушный

¹⁹ Труды СУАК. Т. IV. Вып. 4. Саратов, 1895. С. 6.

²⁰ Уткин С.Н. Саратов глазами путешественников. Саратов, 2005. С. 51.

человек. Ведь нужно учесть, что его гости были католиками, да еще и иезуитами, а католиков на Руси в то время считали злейшими еретиками, хуже протестантов, и соответственно к ним относились. Но архимандрит увидел в своих гостях прежде всего путников, попавших в трудные обстоятельства — их суда в конце ноября замерзли на Волге под Камышином, и им пришлось очень долго и трудно по зимней дороге добираться до Саратова, отбиваясь по пути от нападений «толпы татар». Поэтому он и постарался по-христиански послужить им, чем мог. Тот факт, что архимандрит был готов взять часть расходов по покупке подвод и доставке путешественников в Москву на себя, также свидетельствует о том, что монастырь в то время не бедствовал.

О Крестовоздвиженском женском монастыре практически нет документальных свидетельств, относящихся к концу XVII века. Но можно с уверенностью утверждать, что при переносе Саратова на правый берег он также был перенесен. В трудах Саратовской ученой архивной комиссии напечатана грамота, выданная в 1689 году саратовским воеводой попу Крестовоздвиженского монастыря, подтверждающая его право на владение сенным покосом в курдюмских лугах. Причем выдана она взамен прежней, ранее утерянной упомянутым попом «владенной грамоты»²¹. Этот документ свидетельствует о том, что женский монастырь продолжает существовать и в новом, правобережном Саратове.

В 1691–1692 годах в жизни Богородицкого монастыря произошло очень важное событие: он был приписан к столичному Высокопетровскому монастырю, став его подворьем в Саратове, и таким образом прекратил свое самостоятельное существование.

Высокопетровский монастырь имел близ Саратова рыбные угодья, и для контроля за добычей рыбы и торговлей ею этому монастырю нужно было иметь в Саратове «рыбный двор». Этой цели Московский монастырь добился (очевидно,

²¹ См.: Труды СУАК. Вып. 26. Саратов, 1910. С. 34, 35.

с использованием административных рычагов) распространенным и обычным в те времена способом — путем приписки к себе небольшого провинциального монастыря.

Саратовский историк А.А. Гераклитов в своем труде «История Саратовского края в XVI–XVIII вв.» высказывает об этом событии такое мнение: «Высокопетровский монастырь владел рыбными ловлями около Саратова, и для него был прямой расчет иметь здесь на месте своего агента в лице приписной обители. Последней было выгодно приобрести патрона в лице богатого столичного монастыря, иметь покровительство в высших московских кругах и выйти из-под юрисдикции астраханских владык, к епархии коих принадлежал Саратов. Освобождение из-под власти астраханских митрополитов имело и материальную выгоду, так как избавляет от обязательных денежных повинностей в пользу архиерейского дома... Приписка именно к Высокопетровскому большому монастырю указывает на существование каких-то личных связей между этим монастырем и саратовским. Быть может, кто-либо из постриженников нашей обители попал в Высокопетровский монастырь и достиг там степеней известных; могло быть и наоборот: московский монах мог сделаться настоятелем провинциальной обители и путем приписки связать ее со столицей»²².

На наш взгляд, с этим мнением нельзя согласиться, поскольку, как правило, братия приписываемого монастыря либо переводилась в другой монастырь, либо основывала свой, новый монастырь. Так, например, известно, что после приписки Троицкого Астраханского монастыря к Троице-Сергиеву Московскому монастырю братия монастырская была выведена и отправлена в другой монастырь²³. И таких примеров можно привести достаточно много.

В приписываемый же монастырь из главного обычно присылались новый настоятель и новая братия, как это и случилось

²² Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 238.

²³ См.: Саввинский И., свящ. Указ. соч.

далее с нашим Богородицким монастырем. Естественно, что новая братия не подчинялась Астраханскому владыке и, поскольку находилась в отдалении и от властей Высокопетровского монастыря, со временем стала позволять себе некие, недопустимые с церковно-канонической точки зрения, вольности. Эти вольности, послужившие возникновению острых конфликтов и нестроений в церковной жизни Саратова, не остались незамеченными тогдашним нашим архипастырем — Астраханским митрополитом Сампсоном (правил епархией с 1697 по 1714 г.).

В итоге он вынужден был обратиться к царю Петру I со следующей челобитной: «...во 7199 г. (1691.— *Авт.*) по твоему государеву указу и грамоте, моей, богомольца твоего, епархии Саратовской Богородицкой монастырь приписан к Петровскому Высокому монастырю. И из того Петровского монастыря от властей присылаются в тот приписной Богородицкий монастырь строители, иеромонахи и простые монахи, не знающие священных правил, и принимают в тот Богородицкий монастырь своевољством разных епархий попов запрещенных, без отпусковых от своих архиереев грамот и не посвященных. И ходят те попы на Саратове насильством моей, богомольца твоего, епархии во все приходы, в мирские дома, со всякими потребами. И от того их насильства саратовским приходских церквей попам великая обида и бывают у них многие ссоры, а мне, богомольцу твоему, частое челобитье и докучка. А те саратовские приходские попы обложены от своих приходов данью и платят в мою домовую казну погодно. И которые саратовские жители за преслушанье от Церкви Божией нами правильно отлучены и святыни лишены — и они строители таковым благословляют и в Церковь Божию пускают и в дома к ним со всякими потребами ходят — и то чинят священным правилам противность, а мне, богомольцу твоему, посмеяние. А ныне в том Богородицком монастыре живут только строитель да два монаха древние. Всемилоствейший государь, прошу Вашего Величества, вели, государь, из того Богородицкого

монастыря строителя и братию вывести, а тот монастырь учинить приходскою церковью. А для рыбных их ловель и прочих промыслов Петровского монастыря властям сделать зимовой двор против прочих монастырей, чтоб впредь от того ссорам и священным правилам противности не быть»²⁴.

Из челобитной видно, что в этот приписной монастырь настоятели и братия присылались из Москвы, а отсюда следует, что прежняя саратовская богородицкая братия из этого монастыря была «выведена». Пришлых же, московских монахов, как видим, было очень немного. Так, по справке, данной Монастырскому приказу, в 1704 году в Богородицком монастыре числились: «иеромонах строитель Лаврентий да братии 5 человек; в том монастыре церковь деревянная во имя Казанской Богородицы, да на монастырском скотном дворе один человек дворник, да в монастыре хлебник и водовоз живут, и опричь строителя с братиею и вышеописанных служебников никого нет»²⁵. В этой справке упоминается также о том, что умершие в прошлом году священник и дьякон не были замещены. Последний факт, кстати, говорит о том, что издавна саратовские монастырские храмы осуществляли еще и функции приходских, так как при этих храмах в конце XVII и XVIII веке имелся штат белого духовенства и в документах того времени упоминаются приходы при монастырских церквях — Воздвиженский и Четырехсвятский (позднее Спасо-Преображенский).

Итак, все эти данные говорят о том, что Богородицкий монастырь к тому времени пришел в упадок, в сущности, имел только наименование монастыря, превратившись в самую обыкновенную «рыбную контору» при монастыре Высокопетровском. К тому же братия этого монастыря, пользуясь своей отдаленностью от начальства, вступила в конфликт с саратовским духовенством и, соответственно, с Астраханским

²⁴ *Герасимов А.А.* Указ. соч. С. 238, 239.

²⁵ *Бреусов А.* Монастыри Саратовской епархии // <http://magazines.russ.ru/volga/1998/11-12/breus002.html>

митрополитом. В результате царь Петр счел доводы владыки обоснованными, и 9 марта 1704 года дан был по челобитью митрополита Сампсона указ: приписному Саратовскому Богородицкому монастырю не быть, а церкви, которая в том монастыре, быть приходскою. Монахов выслать к Москве в Петровский Высокий монастырь. Митрополиту послать в Саратовский монастырь кого пригоже, и при монахах Петровского монастыря, которые в том Саратовском монастыре, кельи и житницы, и погреба и амбары, и всякое церковное строение и заводы описать и владеть.

Но Высокопетровский монастырь, оставшись недовольным таким решением, снова задействовал «административный ресурс», прибегнув к помощи царского дяди — Льва Кирилловича Нарышкина (Нарышкины с давних пор покровительствовали этому монастырю), и дело приняло несколько иной оборот. Поскольку отменить царский указ было невозможно, то нашли «стрелочника» — обвинили подьячего в том, что он якобы исправил бывшее в черновой слово «оценить» на слово «владеть». Подьячего наказали, но в результате Астраханский митрополит получил только на правах приходской бывшую в монастыре деревянную Казанскую церковь, а вот рыбные ловли, амбары, юрты²⁶, всякие оброчные статьи и земли остались во владении Высокопетровского монастыря: «...а владеть и всякие сборы собирать, вам по прежнему... И для того из Петровского монастыря (присылать) слуг и подьячих и жить им в том монастыре в кельях где пристойно и те кельи, амбары и лавки отгородить особь статьею от той же Божией церкви, а монахов для сборов отнюдь не присылать»²⁷.

Таким образом, почти через 100 лет от основания Саратовский Богородицкий монастырь прекратил свое существование. Но после этого события традиция монашеского делания в Саратове не исчезла, она продолжала жить и развиваться.

²⁶ Юрт (*татар.*) — владение, область, земля.

²⁷ *Герасимов А.А.* Указ. соч. С. 239.

Чтобы проследить эту преемственность, необходимо выяснить, что произошло с саратовской братией после приписки Богородицкого монастыря к Высокопетровскому, а для этого, в свою очередь, нужно выяснить историю возникновения Саратовского Четырехсвятского (впоследствии Спасо-Преображенского) монастыря.

Мы уже видели, что многие дореволюционные исследователи считали, что Четырехсвятский монастырь до 90-х годов XVII века находился на Увеке, потом, после пожара, был перенесен в Саратов и отстроен в Горной слободе на северном склоне Глебучева оврага. Однако нужно отметить, что никаких документальных данных о существовании монастыря на Увеке не обнаружено.

Увек — золотоордынский город, основанный монголами в середине XIII века. Населен он был монгольскими чиновниками и довольно разноплеменным людом, состоящим из различных торговцев и ремесленников. В результате археологических исследований было установлено, что в северной части города существовал значительных размеров христианский квартал, где проживали русские, армяне и другое немусульманское население. В основном это были ремесленники-невольники, но были среди них, без сомнения, и вольные люди — различного рода торговцы и «сходцы» из окраинных областей Руси, постоянно разоряемых ордынцами.

При раскопках в этом районе было обнаружено множество предметов, относящихся к христианскому культу, — крестов, иконок и т.д. Найденные в начале XX века предметы церковной утвари, в частности церковные сосуды, определенно свидетельствуют о том, что в этом квартале Увека стояла православная церковь, и вполне возможно, что мог быть и монастырь. Однако это лишь предположение, так как тому нет никаких документальных свидетельств. Если и был тогда монастырь на Увеке, то он мог просуществовать только до 1395 года, когда Увек и близлежащие золотоордынские селения были

разорены и опустошены во время нашествия Тамерлана. С тех пор следов жизни в Увеке не обнаруживается, хотя она и могла еще какое-то время «теплиться» в окрестных селениях. Но в конце XV века, с распадом Золотой Орды, эта местность окончательно превращается в безлюдную пустыню и остается таковой до появления здесь в конце XVI века русских.

Нужно сказать, что Четырехсвятский монастырь мог быть основан только после того, как в 1652 году в Москву были торжественно перенесены мощи святителя Филиппа, митрополита Московского, а до этого времени (с 1596 г.) существовал праздник в честь трех святителей Московских — Петра, Алексия и Ионы. Интересно при этом отметить, что праздник в честь четырех святителей — Петра, Алексия, Ионы и Филиппа — был установлен только в 1875 году.

Скорее всего, версия саратовских краеведов о существовании на Увеке Четырехсвятского монастыря возникла благодаря упоминанию о нем в «Дневных записках» академика И.И. Лепехина, посетившего Саратов во время своего путешествия в 1768–1769 годах: «Под вечер приехали мы в монастырь Четырехсвятский, отстоящий от Саратова в 7 верстах. Монастырь сей стоит на речке Увек в приятном месте, окруженном изрядными рощами. Строение в нем деревянное и уже обветшалое. В нем нет ныне никакой братии, но он единственно служит хутором Саратовскому мужскому монастырю»²⁸.

Но из данного отрывка видно, что собственно монастыря на этом месте не было, а был хутор, подворье Саратовского монастыря. Можно, конечно, предположить, что Четырехсвятский монастырь существовал на Увеке с середины XVII века, учитывая то, что в указанное время на Увеке и в его окрестностях располагалась саратовская таможня, заставы и караулы, которые могли осуществлять защиту монастыря. Однако

²⁸ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора из Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. Ч. I. СПб., 1771.

документы свидетельствуют о том, что этот монастырь был основан значительно позже, в конце XVII века, и его возникновение связано с одной из саратовских приходских церквей.

А.А. Гераклитов, разбирая книги саратовского Братства Святого Креста, на первых листах книги «Пролог за сентябрь—ноябрь» обнаружил вкладную запись такого содержания: «Книга, глаголемая пролог... Павла Фадеева сына... а по прозванию Дубенского, а сия книга никому никуды не отдана... писал я, Павел своею рукою 190 году (1682.— *Авт.*) апреля в 8 день на память святого апостола Ирадиона, Агафа и Руфа... а сию книгу пролог отдал на Саратове в Горной слободе в церковь Московским чудотворцом Петру, Алексею, Ионе и Филиппу...»²⁹. Из этой записи видно, что в апреле 1682 года в Саратове в Горной дворцовой слободе существовала приходская церковь в честь четырех Московских святителей.

После того как в 1674 году Саратов был перенесен на правый берег Волги, на место дворцового рыбного городка, 42 человека дворцовых крестьян, живших семьями около этого места, были по царскому указу поверстаны в «государевы солдаты» к тому же рыбному городку и переселены на северную сторону Глебучева оврага. Там они и образовали Горную слободу, население которой сразу же стало быстро увеличиваться (достаточно сказать, что в Горном Четырехсвятском приходе в 1738 г. числилось более 300 дворов)³⁰. Вполне естественно, что в этой слободе был поставлен приходской храм.

Возможно, что «на горы» был перенесен тот самый храм, который, без сомнения, существовал в рыбном городке еще до 1674 года. Кстати, само наименование этого храма говорит о том, что к его основанию были причастны москвичи, осуществлявшие управление дворцовым рыбным промыслом и, очевидно, находившиеся под большим впечатлением от прогремевшего на всю Россию торжества перенесения в Москву мо-

²⁹ Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 53.

³⁰ См.: Труды СУАК. Т. IV. Вып. 3. Саратов, 1894. С. 210–230.

щей святителя Филиппа. Здравый смысл подсказывает, что Четырехсвятский Горный монастырь возник именно при этой церкви и именно от нее получил свое наименование. Мы предполагаем, что после приписания Богородицкого монастыря к Высокопетровскому прежняя богородицкая братия приняла решение создать свой, новый монастырь на основе Четырехсвятской приходской церкви в Горной слободе. Также вполне возможно, что средства на постройку монастыря были получены от упоминавшегося выше Павла Фадеевича Дубенского.

А.А. Гераклитов в своем очерке «По поводу записи 1682 г. на Прологе библиотеки Братства Святого Креста в Саратове» приводит интересные сведения об этом человеке. Дубенской был родом из Муром, он являлся промышленником астраханского насадного промысла³¹, ему были поручены рыбные ловли на Нижней Волге, поручалась доставка хлеба в Астрахань из верховых городов. Он в силу своей должности оперировал довольно значительными, отпускавшимися ему из казны финансовыми средствами. Деятельность его, очевидно, высоко ценилась, так как есть записи о пожаловании ему, в качестве награды за труды, дорогих тканей³².

Он известен еще и тем, что во время разинского бунта проскочил на своем легком струге мимо захваченного разинцами Царицына в Астрахань, где сообщил воеводе важные сведения об обстоятельствах захвата Царицына и о силах разинского войска. Ближе к старости, отойдя от дел, Дубенской оседает в Саратове, принимает монашеский постриг и становится известен как строитель Четырехсвятского монастыря старец Паисий Дубенской, упоминающийся в грамотах монастыря за 1695 год. Кстати, по прозванию Паисия и сам монастырь часто в документах именуется Дубенским. На то, что Павел и Паисий одно и то же лицо, указывает одинаковое прозвание — Дубенской, а также

³¹ Насад (*устар.*) — плоскодонное судно с высокими набитыми бортами.

³² См.: Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 54.

распространенный в то время обычай принимать при постриге монашеское имя, начинающееся с той же буквы, что и мирское.

Кстати, слово «строитель» здесь нужно понимать не в современном, обыденном значении. Строителем монастыря в то время именовался либо настоятель небольшого (обычно загородного) монастыря, либо чин монастырской администрации (соответствующий современному чину эконома), который заведовал хозяйственно-экономической деятельностью в обители. При пострижении, по тем правилам, монах вкладывал свое имущество в монастырь. Конечно же, так поступил и Паисий, вложив свое, думается, весьма солидное состояние в новый монастырь.

В челобитной монастырской братии, поданной в 1695 году саратовскому воеводе А.Г. Ляпунову по поводу владения монастырем «огородными местами» некоторых саратовских жителей, вложенными ими в Четырехсвятский монастырь на помин своих родителей, говорится, что «в прошлых годах, по указу Великих государей и по челобитной за пометою стольника и воеводы Н. Нестерова отведено им на Саратове в Горной солдатской слободе под монастырь Московских чудотворцев место...»³³. Место это было довольно большим — шло широкой полосой от Волги на полкилометра вверх по северному склону Глебучева оврага. Передача земли состоялась при Н. Нестерове, который воеводствовал в Саратове в 1691–1692 годах.

Как видим, это время совпадает со временем приписки Богородицкого монастыря к Высокопетровскому (1691) и, без сомнения, является временем основания Четырехсвятского монастыря. Этот факт, на наш взгляд, также является косвенным подтверждением преемственности Четырехсвятского монастыря от Богородицкого.

Мы уже встречали в документах имя архимандрита Иосифа, бывшего до 1691 года настоятелем Богородицкого монастыря. Но вот, в описи Саратовского Троицкого собора, составленной во второй половине 90-х годов XVII века при вступле-

³³ Труды СУАК. Т. III. Вып. 1. Саратов, 1889. С. 239–240.

нии в должность нового соборного протопопа, читаем следующее: «По указу Преосвященного Сампсона, митрополита Астраханского и Терского, Дубенского монастыря архимандрит Иосиф, взяв с собою Саратовския соборныя церкви попов и диаконов, описал Саратовскую соборную церковь Саратовскому новопоставленному протопопу Григорию Спиридонову»³⁴.

Здесь мы видим, что настоятель бывшего Богородицкого монастыря возглавляет уже новый Четырехсвятский Дубенский монастырь. Этот факт также свидетельствует и о том, что богородицкое братство не пресекалось с припиской Богородицкого монастыря, но сохранилось и продолжило саратовскую монастырскую традицию, но уже в новом Четырехсвятском (впоследствии Спасо-Преображенском) монастыре.

Дальнейшая история как мужского, так и женского монастыря более или менее известна из различных документальных источников и не вызывает особых вопросов.

Четырехсвятский монастырь постепенно обустроивался и обрастал различными хозяйственными угодьями. В 30-х годах XVIII века была освящена новая каменная Спасо-Преображенская монастырская церковь (просуществовавшая до 30-х гг. XX в.), после чего он стал часто именоваться Спасо-Преображенским. Монастырь пережил много пожаров, пугачевское нашествие и, наконец, после грандиозного пожара 1811 года, полностью уничтожившего обитель, был архимандритом Саввой возобновлен и обустроен на новом месте, под Лысой горой, где и простоял до нашего времени.

Таким образом, мы показали, что историю нашего мужского монастыря нужно несколько «отдалить» в сторону древности и отнести ее к самому началу XVII века. Можно также обозначить основные этапы этой истории:

1617–1623 гг. — Богородицкий Казанский монастырь основан в левобережном, «втором» Саратове.

³⁴ Леопольдов А.Ф. Летопись Саратовской губернии, со времени присоединения сего края к России до 1821 года. Саратов, б. г. С. 46; Соколов В.П. Указ. соч. С. 15.

1674 г.— монастырь (вместе с женским Крестовоздвиженским) перенесен на правый берег Волги, в новый, «третий» Саратов.

1691–1692 гг.— Богородицкий монастырь приписан к Высокопетровскому, братия выселилась из монастыря и основала новый Четырехсвятский (впоследствии Спасо-Преображенский) монастырь «на горах».

1704 г.— Богородицкий приписной монастырь упразднен.

1811 г.— Спасо-Преображенский монастырь «на горах» сгорел и был возобновлен на другом месте, под Лысой горой, а прежняя его церковь обращена в приходскую.

1814–1822 гг.— монастырь отстроен и освящен.

1930 г.— монастырь закрыт и разорен, остались небольшая церковь и два монастырских корпуса.

1994 г.— освящена и начала действовать в качестве приходской сохранившаяся монастырская церковь в честь св. вмч. Димитрия Солунского.

2011 г.— Постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви Спасо-Преображенский монастырь возобновлен, иеромонах Пимен (Хеладзе) поставлен Лонгином, Епископом Саратовским и Вольским, во игумены.

Итак, мы постарались доказать, что традиция монашеской жизни в Саратове продолжается уже по меньшей мере около 380 лет. И хотя мы не видим в истории наших монастырей каких-то особых, чрезвычайных, сверхъестественных примеров аскетического подвижничества, подобных подвигам древних преподобных отцов, но все-таки, без сомнения, саратовские монахи подвизались и строили свою жизнь на основе главных элементов православной монашеской традиции — молитвы, бдения, поста, трезвения, нестяжания, страннолюбия и каждодневного труда. Преуспевания в этих добродетелях хочется пожелать и новому игумену Саратовского Спасо-Преображенского монастыря и его нынешним и будущим братиям.